

УДК 323.21+94(470-25)

doi 10.17072/2219-3111-2026-3-102-113

EDN: QIKTHT

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: Власов Е. Э. Проекты создания музея Холокоста в Москве в 1990-е годы: инициирование и группы интересов // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 3(74). С. 102–113. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-3-102-113. EDN: QIKTHT

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА В МОСКВЕ В 1990-Е ГОДЫ: ИНИЦИИРОВАНИЕ И ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ

Е. Э. Власов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3

eevlasov@hse.ru

Scopus Author ID: 60647015700

SPIN-код: 6049-1882

Статья посвящена исследованию процесса инициирования и попыток реализации проекта создания музея Холокоста в Москве в 1990-е гг. Цель работы – анализ механизмов взаимодействия акторов политики памяти с органами государственной власти на примере этой инициативы, что позволяет выявить особенности формирования российской исторической политики в 1990-е гг. В исследовании использованы архивные документы из государственных архивов (ГАРФ, РГАЛИ, ЦГАМ) и Архива Ваада России, демонстрирующие сложную структуру взаимодействия между разнородными общественными организациями и государственным аппаратом, а также преодолевающие ограничения существующей историографии. Ключевым выводом является понимание того, что эффективным механизмом продвижения общественной инициативы стало не публичное давление, а лоббирование через интеграцию в органы власти, после которого был запущен межведомственный процесс. При этом как среди еврейских общественных организаций, так и внутри государственных структур существовали внутренние конфликты и конкуренция. Несмотря на официальную поддержку и разработку проекта постановления Правительства в 1995 г., государственный музей Холокоста не был создан. Тема Холокоста была включена в официальный мемориальный ландшафт лишь символически, а именно в форме выставки внутри Мемориальной синагоги на Поклонной горе, построенной на частные средства. Таким образом, политика памяти предстает как сложный процесс социально-политического взаимодействия, где конечный результат определялся переплетением разнонаправленных интересов, а не единой государственной стратегией.

Ключевые слова: Россия, Москва, актуальное прошлое, политика памяти, Холокост, Шоа, девяностые.

В 1995 г. президент России Б. Н. Ельцин официально утвердил День Победы как национальный праздник, который отныне должен был отмечаться ежегодно 9 мая с парадом и салютом, что стало основой постсоветской памяти о победе над нацизмом [Малинова, 2012, с. 212–213]. В том же году открылся Мемориальный комплекс на Поклонной горе, где и состоялся первый регулярный парад, который в последующие десятилетия превратился в главный мемориальный ритуал страны. Через три года после открытия мемориального комплекса, 2 сентября 1998 г., на территории Поклонной горы была открыта синагога, внутри которой появился Музей еврейского наследия и Холокоста. Так, в поле официального нарратива о Великой Отечественной войне была включена тема памяти о Холокосте.

Цель настоящего исследования – определить, как проходил процесс утверждения проекта музея Холокоста в 1990-е гг. в Москве, который частично был реализован на территории государственного мемориального комплекса Победы в Великой Отечественной войне. Понимание механизмов взаимодействия акторов политики памяти с органами государственной власти в

реализации этой идеи позволит посмотреть на особые условия складывания российской исторической политики в 1990-е гг. под влиянием различных факторов.

Для реализации поставленной цели в статье используется понятие «политика памяти», под которым понимается «деятельность государства и других институтов и групп, направленная на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом» [Малинова, 2019, с. 104]. Один из методов изучения этой проблематики связан «со сдвигом внимания от нарративов и мест памяти» в оптике мнемонических исследований в пользу фокуса «на мнемонических акторах и их взаимодействиях» [Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022, с. 114]. Понятие мемориального активизма позволяет изучить детали взаимовлияния и взаимодействия общегосударственных и локальных акторов, а также по-другому взглянуть на архивные источники, конкретизируя их происхождение. Идея воплощения первого мемориального музея Холокоста исходила от активистов еврейского происхождения, членов региональной общественной организации. Свои предложения об увековечении жертв Холокоста они направляли в адрес государства, надеясь получить административную и финансовую поддержку. Это наглядный пример отношений государства и мемориального активизма. «Мемориальный активизм» дал возможность сфокусироваться на индивидуальных или коллективных акторах, действия которых направлены на сохранение или изменение «доминирующего или официального восприятия прошлого в своей истории» [The Routledge Handbook..., 2023, p. 7]. Являясь акторами политики памяти, мемориальные активисты ставят под сомнение устоявшиеся нарративы и стремятся их изменить, распространяя свой нарратив посредством социального взаимодействия [Ibid., p. 8]. В литературе существует мнение, что в России «в 1990-е гг. история привлекала сравнительно мало внимания», поскольку с распадом Советского Союза перед ней «на первый план выдвинулся вопрос о выборе пути развития, вопрос о будущем, а не о прошлом» [Копосов, 2010, с. 250]. По мнению А. И. Миллера, рассчитывая на невозможность восстановления советского политического режима, «властные органы на долгое время свертывают сколько-нибудь активную деятельность в сфере политики памяти» [Миллер, 2013, с. 114]. Между тем для О. Ю. Малиновой этот период характеризуется действиями властей по модели проработки трудного прошлого, доставшегося в наследие постсоветской России как от советского, так и от дореволюционных политических режимов [Малинова, 2016, с. 143–145]. Так, прибегая к критической оценке прошлого, Ельцин «представлял фактором преемственности не государство, а народ» [Там же]. Подвиг советских граждан в период Великой Отечественной войны в рамках нового официального нарратива понимался совершенным «не благодаря советскому строю, а вопреки ему» [Там же]. О. Ю. Малинова оценивает такую интерпретацию как гибкую, «чтобы вместить “трудное прошлое”» и «служить основой “гражданского патриотизма”» [Там же].

В рамках «гибкой» официальной интерпретации о Второй мировой войне в 1990-е гг. общественные организации, ставившие своей целью участие в политике памяти в России, в частности о Второй мировой войне, пытались интегрировать свою версию памяти в официальный нарратив. Одними из таких обществ являлись еврейские организации, занимавшиеся мемориализацией Холокоста.

Н. Копосов пишет, что при президентстве Ельцина государственная поддержка мемориализации Холокоста выразилась в создании нескольких организаций, в частности: Научно-просветительного центра «Холокост», Российского еврейского конгресса, Федерации еврейских общин России [Копосов, 2022, p. 135]. Открытие Мемориальной синагоги и находящегося внутри нее Музея еврейского наследия и Холокоста на Поклонной горе в 1998 г. упоминается Копосовым без пояснений об истории создания этого мемориала [Ibid.]. Подвергая анализу мемориальный ландшафт Парка Победы на Поклонной горе, А. Ваньке пишет, что Ю. Лужков являлся инициатором идеи привнесения религиозной тематики в мемориальный ландшафт Поклонной горы, реализовать которую смог З. К. Церетели, воздвигнув православный храм, мечеть и синагогу [Ваньке, 2015]. Для нее музей внутри этой синагоги всецело является местом коммеморации Холокоста [Там же]. А. Завадский в своем исследовании, останавливаясь на техниках репрезентации Холокоста, тоже почти не затрагивает историю возведения этого музейного пространства внутри Мемориальной синагоги [Zavadski, 2014].

Не только историографический, но источниковедческий интерес представляют публикации И. А. Альтмана, сопредседателя центра «Холокост» и одного из участников разработки музея внутри Мемориальной синагоги. Им отмечается ряд усилий по созданию государственного музея по истории Холокоста. В частности, центр «Холокост» обращался к «еврейским олигархам», к президенту Б. Н. Ельцину, в Министерство культуры, к «лидерам российских и действовавших в стране зарубежных еврейских организаций», а также вел «переговоры с советником президента России по национальным вопросам Галиной Старовойтовой» осенью 1991 г. [Альтман, 2008, с. 151]. В итоге центр «Холокост» в 1996 г. смог добиться у Правительства России только выделения помещения для нужд организации и хранения предметов экспозиции будущего музея. Открытая же в 1998 г. Мемориальная синагога и музейная экспозиция о Холокосте внутри нее, по словам Альтмана, являются не результатом реализации идеи о музее Холокоста, а только выставкой [Там же, с. 152].

Примечательно, что в историографии не отмечается, какие конкретно государственные органы участвовали в реализации исторической политики России и как происходил этот процесс. Любые тезисы о политике памяти России в 1990-е гг. содержат универсальное понятие государства как актора (в некоторых случаях синонимом служит фигура президента Б. Н. Ельцина), в том числе без внимания на анализе практик, механизмов и взаимодействия с другими участниками этого процесса. Архивные материалы, как показал анализ исследовательской литературы, также не задействованы в исследованиях мемориализации Холокоста в пределах российского ландшафта памяти в 1990-е гг.

Между тем наличие архивных документов позволяет исследовать социально-политические механизмы инициирования и реализации важных проектов, составлявших опору формирования российской мемориальной политики. В этой статье используются ранее не опубликованные архивные документы, источником происхождения которых являются органы государственной власти: Госкомимущество, Министерства культуры, экономики, мэр Москвы, Правительство, – из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального государственного архива Москвы (ЦГАМ). Они дают возможность приблизиться к пониманию системы административного управления и контроля за реализацией мемориала.

С другой стороны, в исследовании задействованы документы еврейских организаций, участвовавших в мемориализации Холокоста (Московское еврейское культурно-просветительское общество (МЕКПО), научно-просветительный центр «Холокост»), хранящиеся в Архиве Ваада России, большая часть из которых ранее не была опубликована. Они позволяют проследить процесс развития и обсуждения идеи о воплощении мемориала – музея Холокоста на территории Москвы – на уровне еврейских организаций.

Создание научно-просветительного центра «Холокост»: противоречия в общественных движениях

Делегаты первого съезда еврейских организаций и общин СССР (ВААД) 20 декабря 1989 г. в своей резолюции призывали «сказать полную правду о трагической судьбе советских евреев, увековечить память невинных жертв геноцида, исполнить свой долг перед погибшими и не оставить без внимания тех немногих, кто пережил геноцид», а также «вспомнить и о тех неевреях, кто, рискуя своей жизнью, помог спастись хотя бы одному еврею» (Резолюция..., 1989). Тогда делегаты съезда сформулировали несколько важных для мемориализации Холокоста задач:

- «1. На средства, собранные добровольно, воздвигнуть в СССР символический памятник советским евреям – жертвам нацистского геноцида.
2. Установить памятники на местах массовых убийств евреев.
3. Создать в СССР научный центр по изучению истории Катастрофы на территории Советского Союза.
4. Создать Книгу памяти с поименным перечислением евреев – жертв нацистского геноцида.
5. Учредить Всесоюзное общество евреев – бывших узников гетто и концлагерей.

6. Узаконить в СССР статус для евреев – бывших узников гетто и концлагерей» (Там же).

Так, в конце 1980-х гг., в разгар перестройки и незадолго до описанного выше съезда, на территории Москвы Исполкомом Моссовета было зарегистрировано Московское еврейское культурно-просветительское общество (МЕКПО). Именно со стороны этой организации в лице мемориальных активистов поступили одни из первых обращений во власть о необходимости мемориализации Холокоста, в частности строительства мемориального музея. Основой музейной экспозиции должны были стать материалы основанного руководителем МЕКПО Ю. И. Соколом в 1987 г. в собственной квартире Музея памяти жертв фашистского геноцида и Героев сопротивления.

В то же время задаче мемориализации был отведен отдельный проект МЕКПО – центр «Холокост», председателем которого стал Ю. И. Сокол. В ноябре 1991 г. на одном из собраний членов президиума открытой в 1991 г. Всесоюзной ассоциации советских евреев-ветеранов войны, партизан, узников концлагерей, гетто и их детей (ВАСЕВВ), позднее вступившей в качестве коллективного члена в МЕКПО, обсуждался вопрос «о преобразовании Музея памяти 6 миллионам жертвам геноцида и героев Сопротивления в Российский научно-просветительский центр с приданием ему юридического статуса» (Протокол собрания членов..., 1991). В своем выступлении Ю. И. Сокол отметил результаты деятельности основанного ранее музея, необходимость и условия создания отдельной организации: «Музей посещают не только из многих городов Союза, но и из многих стран, собрано много свидетельских показаний, которые переданы в “Яд Вашем”, проводятся систематические экскурсии, лекции. Однако необходимо перевести работу Музея на научную основу. Есть кандидатуры, архивисты, но они требуют высоких окладов: Альтман И. А., Альтман М. М., Уварова Е. А.» (Там же).

В итоге членами собрания было решено создать рабочую группу во главе с И. А. Альтманом. Однако генеральный директор ВАСЕВВ Э. Э. Немировский выразил недоверие И. А. Альтману и заявил протест, который был отклонен президиумом, «так как Немировский не является членом президиума и его недоверие Альтману И. А. носит коммерческий характер, не связанный с деятельностью ВАСЕВВ» (Там же).

В декабре 1992 г. на собрании ВАСЕВВ обсуждался конфликт со съездом еврейских организации и общин – ВААД. Представители ВААД критически выступили в адрес Ю. И. Сокола и его деятельности в задаче мемориализации Холокоста, утверждая о недостаточных действиях мемориальных активистов. Доказывая обратное, соратники Ю. И. Сокола отметили на собрании несколько дискредитирующих фактов в адрес оппонентов: «И. С. Соболев в своем выступлении сообщил, что в июне он присутствовал на странном собрании, на котором их [т.е. ВААД. – Е. В.] люди, не имеющие отношения к Центру “Холокост”, фальсифицировали переизборы его президента и Координационного совета. Это собрание было организовано И. Альтманом, ранее исключенным из Центра “Холокост” за грубые нарушения устава (самоназначение себя исполнительным директором Центра, незаконное удерживание печати у себя дома и т. д.). Выступавшие также сообщили, что в Минюст, ВААД, государственные архивы, редакции газет (“Вечерняя Москва”, “Московский комсомолец” и др.), Министерство культуры, мэрию поступили письма, дискредитирующие Центр “Холокост” и его президента Ю. И. Сокола. Письма были подписаны Альтманом И. А., Гефтер М. Я., Гербер А., Этингером Я. Я., Якович Е. Эти письма были написаны на фальшивом бланке» (Протокол..., 1992).

Возникший раскол среди мемориальных активистов к началу 1992 г. привел к перераспределению влияния. Впоследствии, после 1993 г., научно-просветительный центр «Холокост» под руководством новых лидеров станет ключевым актором политики памяти, продвигавшим идею создания государственного музея Холокоста. Но до этого времени, в 1992 г., Ю. Сокол оставался лидером новообразованной организации.

В 1993 г. Министерство культуры, Государственный комитет по делам национальностей, Государственный комитет по управлению государственным имуществом и мэр Москвы Ю. М. Лужков все же поддержали передачу МЕКПО помещения – дом 18 по улице Лесной, – в котором должны были разместиться Дом еврейской культуры и мемориальный музей (который первоначально располагался в доме Ю. И. Сокола) (Обращение зам. ..., 1993). Однако мемори-

альный музей в этом помещении тогда не был открыт, а Сокол так и не смог добиться выделения отдельного помещения для музея.

После 1993 г. ключевым актором идеи о воплощении с помощью государственных ресурсов музея памяти Холокоста стал научно-просветительский центр «Холокост» в лице новых ключевых персон организации – И. А. Альтмана и А. Е. Гербер.

Механизмы привлечения государственных ресурсов во второй половине 1990-х гг.

Период второй трети 1990-х гг. в российской политике памяти Холокоста был ознаменован действиями А. Е. Гербер на посту депутата Государственной Думы I созыва. Ключевой практикой привлечения государственных ресурсов к воплощению музея Холокоста стало лоббирование интересов. Одним из механизмов воздействия стали письма-обращения.

В 1994 г. А. Е. Гербер написала несколько писем-обращений: председателю Правительства В. С. Черномырдину, первому вице-премьеру Правительства А. Б. Чубайсу, а также одну из копий письма – министру культуры Е. Ю. Сидорову. Председатель правления НПЦ «Холокост» и депутат А. Е. Гербер просила «оказать реальное содействие в организации в Москве Российского Государственно-общественного музея “Холокост”», а именно: принять решение Правительством выделить помещение площадью от 150 м², а также огласить эти результаты «на мемориальном вечере, посвященном освобождению Освенцима – 27 января 1995 г.» (Поручения..., 1994. Л. 3–4).

Актуальность воплощения мемориального музея А. Е. Гербер обосновывала несколькими факторами. Прежде всего депутат указывала на рост неонацизма в России девяностых, «откровенно использующего антисемитизм в своей печатной и устной пропаганде» (Там же. Л. 13). Другим обоснованием стал факт существования музеев Холокоста «во всем мире», в частности в США, который накануне посетил В. С. Черномырдин (Там же. Л. 3). Наконец, актуальным воплощение музея Холокоста на территории Москвы представлялось, по словам А. Е. Гербер, «накануне 50-летия Великой Победы, вклад в которую еврейский народ внес не только миллионами жертв, но и своим героизмом на фронте (по общему числу награжденных и получивших звание Героя Советского Союза евреи занимали 4 место среди народов СССР)» (Там же. Л. 13). Позднее, уже на этапе обсуждения проекта с Правительством, 23 февраля 1995 г. А. Е. Гербер, используя полномочия депутата Государственной Думы, написала новое обращение на имя А. Б. Чубайса. Сообщением о смерти «президента научно-просветительского российского центра “Холокост” Михаила Яковлевича Гефтера» она еще раз актуализировала просьбу в содействии выполнении одной из целей его жизни – «дожить до того момента, когда в России будет музей Холокост» (Там же. Л. 12).

Представляется важным обратить внимание на одну из причин актуальности создания музея Холокоста на территории Москвы, которую выразила А. Е. Гербер. С распадом Советского Союза и становлением новой России члены еврейской диаспоры, укрепившиеся благодаря новым контактам и ресурсам зарубежных еврейских организаций, стремились воспроизвести западные модели увековечения жертв Холокоста, на что прямо указывала в своих обращениях А. Е. Гербер. Приведем полную цитату из ранее упомянутого обращения: «Холокост – одна из величайших трагедий XX века – уничтожение нацистами и их пособниками 6 000 000 евреев Европы. Музеи Холокоста есть во всем мире – “Яд Вашем” в Иерусалиме, имени Анны Франк в Амстердаме, Ван-Зее в Берлине и многие другие. Вот уже десятки лет там не только рассказывают об истории фашизма, расизма и антисемитизма, но и ведут эффективные образовательные программы, рассчитанные прежде всего на молодежь и тесно связаны с проблемами фашизма сегодня. Открытый в прошлом году в Вашингтоне Национальный музей США “Холокост” стал самым посещаемым музеем Америки (2 000 000 – в том числе и прежде всего дети). Его обязательно посещают главы многих государств и правительств (В. С. Черномырдин – 22 июня с[его] г[ода]).

Парадоксально, но только в Москве – столице государства на территории которого погибло более 2 миллионов человек, память наших сограждан и тех, кто спасал их от уничтоже-

ния, до сих пор не увековечена. Между тем именно в Москве сосредоточен богатейший архивный материал по этой теме (в том числе и трофейный)» (Поручения..., 1994. Л. 3).

Представляется очевидным, что мемориальные активисты Научно-просветительного центра «Холокост» ориентировались на опыт создания и функционирования Мемориального музея Холокоста в США (United States Holocaust Memorial Museum), который в 1990-е гг. посетил премьер-министр Российской Федерации.

Рассмотрим этот музей подробнее и сопоставим с проектом музея Холокоста, который должен был возникнуть на территории Москвы. Мемориальный музей был открыт в Вашингтоне в 1993 г. Прежде всего экспозиция музея предлагает посетителю повествование о зарождении идей нацизма, отталкиваясь от итогов Первой мировой войны [Сиротинская, 2021, с. 130]. Повествовательные материалы дополнены архивными материалами (среди которых – «законодательные акты, дипломатические документы» и источники личного происхождения, «открытки из национальных архивов США, американских частных коллекций, показывающие освобождение американцами узников концентрационных лагерей»), фотографиями, аудио- и видеосюжетами, а также массивом устных интервью с очевидцами событий Холокоста [Там же, с. 131–132]. Интеграция темы Холокоста в мемориальный ландшафт США в этом музее осуществляется за счет погружения в исторический контекст отношения государственных органов США того периода к событиям на территории Европы, в частности по отношению к евреям. Так, создатели экспозиции приводят сюжеты о Холокосте из американской периодической печати, роли США в спасении евреев от уничтожения при нацистском режиме, при этом не обходя стороной повествование о негативной стороне, в частности об антисемитских настроениях в обществе США в тот период и об американской иммиграционной политике, из-за которой евреи были почти лишены возможности сбежать в США [Там же, с. 132–135]. Кроме экспозиционной части, в музей встроены образовательные рекомендации о том, «как целесообразно вести речь» по теме Холокоста преподавателям для учеников различных возрастных групп, а также в рамках повествования о принципах толерантности вписываются актуальные события сегодняшнего дня [Там же, с. 135–137].

Мемориальный музей Холокоста, безусловно, является музеем памяти. Такой тип музеев сочетает в своей организации три принципа:

- 1) «экспозиции обращены к эмоциям посетителей»;
- 2) «повествование ведется от лица жертв»;
- 3) экспозиции не только рассказывают о прошлом, которое не должно повториться, но призывают «отстаивать права человека» [Хлевнюк, 2019, с. 109–110].

По сохранившимся данным можно сделать предположение, что А. Е. Гербер призывала властные структуры создать в Москве что-то подобное. Более того, среди массива архивных документов фонда Министерства культуры в РГАЛИ, помимо обращений А. Е. Гербер, сохранился проект концепции будущего музея, который был подготовлен мемориальными активистами научно-просветительного центра «Холокост»: «Государственный Музей “Холокост” (далее – Музей) создается с целью увековечения памяти жертв нацистского геноцида еврейского населения СССР в годы Великой Отечественной войны, а также для показа на примере трагедии еврейского народа угрозы пропаганды расовой ненависти, ксенофобии и шовинизма. Это будет первый на территории России музей, призванный собрать, исследовать и отразить в своей экспозиции документальные и вещественные свидетельства зарождения, развития и претворения на практике в невиданных ранее масштабах одной из самых опасных для человечества нацистской идеи о необходимости истребления целого народа. <...> Цель будущего Музея – показ всех аспектов Холокоста советских евреев, с истребления которых началось претворение в жизнь “окончательного решения еврейского вопроса”» (Поручения..., 1994. Л. 36).

В этом документе правлением научно-просветительного центра «Холокост» были сформулированы и основные направления задач музея: собирание экспонатов и их хранение, экспонирование, исследовательские и учебные программы (Там же. Л. 36–38). В разделе «Экспонирование» были представлены наименования залов будущего музея:

«– Антисемитизм в Росси[и] и Европе в конце XIX – начале XX веков;

- Антиеврейская политика нацистской партии в 20–30 годы;
- Вторая мировая война и этапы окончательного решения еврейского вопроса;
- Холокост на территории СССР;
- Гетто на территории СССР;
- Еврейское Сопротивление;
- Спасение евреев местными жителями;
- Лагеря смерти и их освобождение Советской Армией;
- Еврейский Антифашистский Комитет и “дело врачей”;
- Современный нацизм.

В зале для передвижных выставок будут использованы следующие экспозиции Центра “Холокост” (каждая состоит в среднем из 70 экспонатов на 20 стендах): “Черная книга”, “Еврейский Антифашистский комитет”, “Еврейский народ в Великой Отечественной войне”, “Освенцим – трагедия XX века”» (Там же. Л. 37).

Общая концепция музея остается в контексте жертвенности и предостережения, которая характерна для западных музеев Холокоста (некоторые из них, как было написано выше, упомянуты в документах, адресованных правительству). Будущие задачи музея – сотрудничество с зарубежными музеями и архивами, сбор свидетельств, наличие материалов, в том числе на иностранных языках, – сформулированы по модели, которая к тому времени уже была реализована в «Яд Вашем».

Согласно зафиксированным в архивных документах направлениям деятельности, сотрудники научно-просветительного центра «Холокост» намеревались создать полноценный научно-исследовательский и образовательный комплекс, помимо музейной экспозиции. Это пространство должно было объединять функции архива, библиотеки, учебного центра, площадки для публичных мероприятий. Фактически такой музей должен был стать главным государственным институтом памяти о Холокосте в России.

В результате обращений А. Е. Гербер в 1995 г. Правительством РФ был выпущен проект Постановления «О создании в Москве Государственного музея “Холокост”». Тогда были определены ведомства, ответственные за такую историческую политику государства. Архивные документы, сохранившиеся в федеральных архивах, показывают схему принятия решений во власти по вопросу музея Холокоста.

12 июня 1995 г. проект Правительства от имени А. Б. Чубайса был разослан на имя руководителей следующих ведомств: Министерства культуры, Государственного комитета по управлению государственным имуществом, Министерства финансов, Министерства экономики, Правительства Москвы – с тем, чтобы «совместно проработать и внести согласованный проект решения Правительства Российской Федерации по данному вопросу» (Там же. Л. 28).

Министерству культуры была отведена роль ключевого актора в вопросе создания музея Холокоста. Отвечая Правительству, министр культуры Е. Ю. Сидоров «полагает целесообразным создание этого музея как вневедомственного, с непосредственным подчинением Правительству», а также предлагает «включить впоследствии в состав Попечительского совета музея Холокост ведущих политических деятелей страны и руководителей государства» (Там же. Л. 5). Характеристикой схемы управления будущим музеем письмо, конечно, не окончилось. Этим ответом Правительству Министерство культуры в лице Е. Ю. Сидорова просит выделить для реализации практических решений помещение в Москве площадью не менее 2000 м² в пределах Садового кольца (Там же. Л. 5). Такая площадь обосновывалась рядом сформулированных в тексте документа помещений, из которых должен был состоять будущий музей. Наибольшая площадь отводилась фондохранилищам – 855 м² из 2000 требуемых (Там же. Л. 8). Задача поиска помещения – первичного шага в реализации музея Холокоста – была отведена Государственному комитету по управлению государственным имуществом, а также Правительству Москвы: «Министерство культуры Российской Федерации не имеет никакой возможности решить наиболее трудный в Москве вопрос – предоставление необходимого для нового музея помещения» (Там же. Л. 15).

Однако к 17 июля 1995 г. Министерству культуры, отвечавшему за реализацию концепции НПЦ «Холокост», не поступили предложения о помещении, в связи с чем ведомство направило Правительству письмо «О продлении срока исполнения поручения» до конца сентября 1995 г. (Там же. Л. 44). Затем поиск помещения также не увенчался успехом, поэтому министр культуры Е. Ю. Сидоров предложил «отложить рассмотрение данного вопроса на 1996 г.» (Там же. Л. 45). В этом же письме он заключил, что выходом из сложившейся ситуации может стать «строительство здания для музея с отводом необходимого земельного участка под его [музея. – Е. В.] сооружение и включение в проект федерального бюджета 1997 г. затрат на эти цели» (Там же).

Кроме вопросов с поиском помещения, назревало формирование нового Правительства. В 1996 г. депутатские полномочия А. Е. Гербер закончились, а ее предложение от НПЦ «Холокост» так и не было реализовано государством. Тем не менее при содействии А. Б. Чубайса организации выделили офисное помещение для хранения фондов и выполнения иной, немужской деятельности.

Не получив поддержки от Правительства, представители НПЦ «Холокост» не оставили попытки включения властей в реализацию идеи о создании музея Холокоста в Москве. А. Е. Гербер в своих письмах-обращениях не раз писала о публичных мероприятиях НПЦ «Холокост» – собственных коммеморативных практиках центра – как механизме публичного воздействия на власть в вопросе создания музея и формирования политики памяти о Холокосте в России. Оставшись без государственных ресурсов, представители НПЦ «Холокост» продолжили эту практику. В 1998 г. одна из выставок была подготовлена в Мемориальной синагоге на Поклонной горе.

Музей еврейского наследия и Холокоста на Поклонной горе

Процесс утверждения проекта мемориального комплекса памяти Великой Отечественной войны на территории Поклонной горы шел более 50 лет. Принятие решения и выбор проекта идеологически главного памятника Победы растянулись на десятилетия, став одним из самых заметных эпизодов в формировании советской и постсоветской мемориальной культуры и материализацией политики памяти о Великой Отечественной войне. В его разработке участвовали государственные структуры СССР и – после 1991 г. – России, граждане страны в качестве электората и организация ветеранов войны. Однако во второй половине 1990-х гг. был принят финальный проект, который не учел интересы заинтересованных граждан и мемориальных активистов.

Воплощение синагоги на территории мемориального комплекса на Поклонной горе происходило в рамках создания «Храмов памяти разных конфессий павшим в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» по инициативе З. К. Церетели (Проект корректировки..., 1992. Л. 155). Эта инициатива была одобрена президиумом Архитектурного совета города Москвы 27 октября 1992 г.

Представители Советского комитета ветеранов войны, ранее привлекаемые к изучению конкурсных проектов мемориального комплекса на Поклонной горе, крайне остро отреагировали на выбор в пользу внеконкурсного проекта З. К. Церетели: «16 июля 1993 года на радио России... было сообщено как вопрос решенный, что на Поклонной горе, где строится памятник Победы в ВОВ, будет возведены православная церковь, мечеть и синагога... <...> Мы ветераны войны и ветеранская общественность возмущены таким решением о строительстве культовых сооружений на Поклонной горе, так как оно не отвечает образу Победы советского народа, Солдата-освободителя в ВОВ» [Обращение Президенту..., 1993. Л. 102].

Из документов видно, что строительство религиозных сооружений на территории этого мемориального комплекса, по мнению представителей ветеранской организации, «является проявлением неуважения не только погибшим, отдавшим жизнь за Победу, но и живым ветеранам, которые ожидают несколько десятилетий, что, наконец, будет сооружен достойный памятник Победы в Москве» (Там же). Ветераны считали, что такой проект «будет свидетельствовать о неуважении к памяти воинов-освободителей от фашизма, которые были, как известно, в своем большинстве атеистами» (Там же).

Спустя некоторое время к реализации проекта Церетели были привлечены частные инвестиции. Так, 5 июля 1996 г. было подписано Распоряжение мэра Москвы «О предоставлении Российскому еврейскому конгрессу [появившейся в этом же году еврейской организации олигарха В. А. Гусинского. – Е. В.] земельного участка в парковой зоне Мемориального комплекса парка Победы на Поклонной горе под строительство Мемориала “Храм памяти”», а также его последующую эксплуатацию (О предоставлении Российскому еврейскому конгрессу..., 1996). Согласно условиям в документе, еврейскому конгрессу передавался «в пользование на условиях аренды сроком на 49 лет земельный участок площадью 0,5 га в парковой зоне Мемориального комплекса Победы на Поклонной горе» (Обращение Президенту..., 1993. Л. 102).

Проектировщиком и дизайнером будущей синагоги – здания, занимающего 2000 м², – был выбран израильский архитектор Моше Зархи (Synagogue and Jewish Memorial...). Архитектор и его команда «воздержались от прямого символизма в дизайне, тем самым позволяя каждому посетителю по-своему интерпретировать мемориальный объект и поощряя отчетливо интимные переживания» (Ibid.). Тем не менее во внешнем облике здания угадываются очертания пятиконечной звезды, символизирующей Красную армию, на пик которой водружена шестиконечная звезда – Маген Давид, один из символов еврейского народа. Такой дизайн можно интерпретировать следующим образом: эта синагога построена в память о евреях, сражавшихся в рядах Красной армии. Юрий Лужков в своих автобиографических записях, опубликованных в 2017 г., так пишет об этом московском мемориальном комплексе: «На Поклонной горе построена первая новая православная церковь Георгия Победоносца в память о солдатах, погибших в Великую Отечественную войну. Та же мемориальная идея у синагоги и мечети на Поклонной, посвященных погибшим в боях евреям и мусульманам» (Москва и жизнь, эл. ресурс).

Несмотря на такой символизм в дизайне, представители НПЦ «Холокост» смогли убедить руководство Российского еврейского конгресса в необходимости размещения экспозиции о Холокосте внутри синагоги. Это была «выставка, посвященная истории Холокоста на территории СССР, еврейскому Сопротивлению и участию евреев в войне» [Альтман, 2008, с. 152]. Планировалось, что власти обратят внимание на эту музейную экспозицию и заинтересуются идеей о воплощении отдельно стоящего музея.

Открытие синагоги на Поклонной горе состоялось 2 сентября 1998 г. в рамках II съезда Российского еврейского конгресса. На церемонии среди прочих именитых гостей присутствовали президент России Б. Н. Ельцин и мэр Москвы Ю. М. Лужков. Ожидался приезд президента США Б. Клинтона, находившегося в это время в Москве с целью участия в саммите. Однако от его имени выступил министр энергетики США У. Б. Ричардсон, находившийся в Москве в составе американской делегации (Пестерева, 1998, с. 3). Несмотря на статусных гостей мероприятия, развитие идея создания музея Холокоста в Москве не получила. По словам И. А. Альтмана, сопредседателя НПЦ «Холокост», Мемориальная синагога, которая была подчинена (и таковой остается по сей день) Российскому еврейскому конгрессу, «не претендовала на то, чтобы заменить собой государственный музей или стать методическим центром по увековечению жертв Холокоста даже в еврейских общинах России» [Альтман, 2008, с. 152]. Таким образом, процесс взаимодействия еврейских мемориальных активистов с органами государственной власти был разноуровневым, вопреки двухчастному представлению этого процесса в историографии. Путь принятия решений в процессе утверждения музея Холокоста менялся в зависимости от изменений ключевого актора политики памяти и практик, которые они выстраивали. Анализ архивных документов позволил выявить, что еврейские мемориальные активисты сначала пытались воплотить музей Холокоста своими силами, используя частные обращения в исполнительные органы власти и публичные коммеморативные практики. В частности, такая идея была реализована Ю. И. Соколом, который создал музей внутри собственной квартиры. С необходимостью расширения площади музея и пониманием, что эта идея должна стать частью российской мемориальной культуры, со стороны организаций стали поступать обращения уже к федеральным властям. Но этот путь оказался малорезультативным.

Добиться результата удалось лишь посредством лоббирования интересов, когда А. Е. Гербер как депутат Государственной думы и представитель научно-просветительного

центра «Холокост», используя возможности прямой связи с Правительством, добивалась привлечения государственных ресурсов для поддержки общественной инициативы. Это запустило полноценный государственный процесс: поручения, межведомственную переписку и разработку официального проекта постановления. Ключевым актором политики памяти со стороны государства выступало Министерство культуры, которое, пусть и отчитывалось перед Правительством, всю концептуальную основу и процесс утверждения на бумаге и реализации на земле принимало во взаимодействии с мемориальными активистами.

Выходит, в 1990-е гг. мемориальные активисты могли добиться ответа и государственной поддержки своих инициатив только через путь интеграции в органы власти, но не своей публичной деятельностью и частными обращениями во власть. Как писала в А. Е. Гербер в 1994 г. в письме А. Б. Чубайсу, до ее депутатских полномочий «неоднократные обращения в Министерство культуры РФ и Мэрию Москвы не принесли результаты» (Поручения..., 1994. Л. 4). Эффективным механизмом оказался не диалог общественных организаций с государством, а интеграция в его институты и использование его же административных ресурсов.

При этом ни государство, ни еврейское сообщество не были монолитными акторами. Среди общественных организаций существовала конкуренция за право представлять память о Холокосте и распоряжаться символическими и материальными ресурсами. Поле мемориализации было ареной борьбы за легитимность и влияние. В государственных органах власти также не было единства. Органы власти перекладывали друг на друга ключевую проблему – поиск помещения.

Общественным организациям с помощью гибкости официального нарратива и личных связей удалось добиться символического включения темы Холокоста в главный мемориальный комплекс страны. Но и это произошло в усеченной форме выставки внутри синагоги, реализованной на частные средства.

Таким образом, политика мемориализации в 1990-е гг. предстает как сложный процесс социально-политического взаимодействия, где конечный результат определялся не единой государственной стратегией, а сложным переплетением инициатив снизу, лоббистских усилий, бюрократических процедур, столкновением интересов между общественными организациями и государством.

Список источников

Москва и жизнь: автобиография Ю.М. Лужкова [Электронный ресурс] // Фонд Юрия Лужкова. URL: <https://luzhkovfoundation.ru/biografiya/avtobiografiya-yu-m-luzhkova-moskva-i-zhizn/> (дата обращения: 02.07.2025).

Обращение зам. Премьер-министра Правительства Москвы Префекту Центрального округа Музыкантскому А.И., 1993 // Архив Ваада России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 11. Листы не пронумерованы.

О предоставлении Российскому еврейскому конгрессу земельного участка в парковой зоне Мемориального комплекса парка Победы на Поклонной горе под строительство Мемориала «Храм памяти» [Электронный ресурс]: Распоряжение Мэра Москвы от 5 июля 1996 № 62/1-РМ // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3609471> (дата обращения: 02.07.2025).

Обращение Президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н., 1993 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3742. Л. 102.

Пестерева О. Юрий Лужков воплотил мечту евреев всего мира // Коммерсантъ. 1998. № 162. С. 3.

Поручения Правительств Российской Федерации по вопросам изобразительного искусства, работы музеев и документы по их выполнению. К поручениям с 1994 г. о создании музея «Холокост», 1994 // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3192. Оп. 24. Д. 418. Л. 3–5, 8, 12–13, 15, 28, 36–38, 44–45.

Проект корректировки генерального плана памятника Победы в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. с размещением Храма памяти Православной церкви. Предложения авторского коллектива о сокращении объемов естественного камня в строительстве, 1992 // Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р534. Оп. 1. Д. 1173. Л. 155.

Протокол собрания членов Президиума ВАСЕВВ от 10 ноября 1991 г., 1991 // Архив Ваада России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 67. Листы не пронумерованы.

Протокол собрания Совета АСЕВВ от I декабря 1992 г., 1992 // Архив Ваада России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 67. Листы не пронумерованы.

Резолюция первого Всесоюзного съезда еврейских организаций и общин СССР. Москва, 1989 г. 20.12, 1989 // Архив Ваада России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Листы не пронумерованы.

Synagogue and Jewish Memorial – Synagogue and Jewish Memorial, Moscow // Zarhy Architects. Available at: <https://www.zarhy.com/project.aspx?id=46&catid=2> (accessed: 02.07.2025).

Библиографический список

Альтман И. Мемориализация Холокоста в Российской Федерации: состояние, проблемы, тенденции // Евразийский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008). М.: Паллада, 2008. С. 148–163.

Ваньке А. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 203–220. EDN: VJGOBD.

Копосов Н. Мемориальный закон и историческая политика в современной России // Ab Imperio. 2010. № 2. С. 249–275. EDN: PEBFNL.

Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) // Полития. 2019. № 3. С. 103–126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126. EDN: GIXZGM.

Малинова О.Ю. Национальная история в официальной символической политике постсоветской России // Труды по руссиеведению. 2012. № 4. С. 204–226. EDN: RBKOPR.

Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.10. EDN: UQTBHT.

Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 112–136. DOI: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136. EDN: PLMFQB.

Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. 2013. № 4. С. 114–126. EDN: TCCBZR.

Сиротинская М.М. Память о Холокосте в Мемориальном музее США (г. Вашингтон) // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. 2021. № 2. С. 127–139. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-127-139. EDN: YZHUFV.

Хлевнюк Д. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 106–122.

Gutman Y., Wüstenberg J. (Eds). The Routledge Handbook of Memory Activism. New York, 2023. 598 p.

Koposov N. Holocaust Remembrance, the Cult of the War, and the Memory Laws in Putin's Russia // Memory Laws and Historical Justice: The Politics of Criminalizing the Past. 2022. P. 131–167. DOI: 10.1007/978-3-030-94914-3_6.

Zavadski A. Remembering Today and Tomorrow: Memory of the Holocaust in the Jewish Museums of Moscow, M. A. diss. 2014, MSSS // Academia. Available at: https://www.academia.edu/12446735/Remembering_Today_and_Tomorrow_Memory_of_the_Holocaust_in_the_Jewish_Museums_of_Moscow, свободный (accessed: 02.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию 22.11.2025

PROJECTS FOR THE CREATION OF A HOLOCAUST MUSEUM IN MOSCOW IN THE 1990s: INITIATION AND INTEREST GROUPS

Ye. E. Vlasov

National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmanaya 21/4, building 3, Moscow, 105066, Russia

eevalsov@hse.ru

Scopus Author ID: 60647015700

SPIN: 6049-1882

The article investigates the process of initiating and attempting to implement the project to create a Holocaust Museum in Moscow in the 1990s. The aim of the work is to analyze the mechanisms of interactions of Politics of

Memory actors through the case study of this initiative, which helps to identify the specific features of the formation of Russian Politics of History in the 1990s. The study employs archival documents from state archives (GA RF, RGALI, TsGA of Moscow) and the archive of the Federation of Jewish Organizations and Communities "VAAD" to uncover the complex structure of interaction between diverse public organizations and the state apparatus, and to overcome the limitations of the existing historiography. A key finding demonstrates that the effective mechanism for advancing the public initiative was not public pressure, but lobbying through integration into government structures, which subsequently triggered an interagency process. At the same time, internal conflicts and competition existed both among Jewish public organizations and within state structures. Despite official support and the development of a draft Government Decree in 1995, the state Holocaust Museum was not established. As a result, the topic of the Holocaust was incorporated into the official memorial landscape only symbolically in the form of an exhibition inside the Memorial Synagogue on Poklonnaya Hill, built with private funds. Thus, memory politics emerges as a complex process of socio-political interaction, where the final outcome was determined by the intertwining of diverse interests, rather than by a unified state strategy.

Key words: Russia, Moscow, Usable Past, Politics of Memory, Holocaust, Shoah, Nineties.

References

- Altman, I. (2008). The Holocaust memorialization in the Russian Federation: State, problems, trends. In *Yevro-aziatskiy yevreyskiy yezhegodnik – 5768 (2007/2008)* (pp. 148–163).
- Gutman, Y., & Wüstenberg, J. (Eds.). (2023). *The Routledge handbook of memory activism*. Routledge.
- Khlevnyuk, D. (2019). To feel human rights: Affect in memory museums. In *The politics of affect: Museums as a space of public history* (pp. 106–122).
- Koposov, N. (2010). The “Memorial Law” and politics of history in present-day Russia. *Ab Imperio*, (2), 249–275.
- Koposov, N. (2022). Holocaust remembrance, the cult of the war, and the memory laws in Putin’s Russia. In *Memory laws and historical justice: The politics of criminalizing the past* (pp. 131–167). Palgrave Macmillan.
- Malinova, O. Yu. (2012). The national history in the official symbolic policy of post-Soviet Russia. *Trudy po rossiyevedeniyu*, 204–226.
- Malinova, O. Yu. (2016). The official historical narrative as a part of the Russian State: From the 1990s to the 2000s. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, (6), 139–158.
- Malinova, O. Yu. (2019). Who forms official historical narrative and how? Analysis of Russian practices. *Politiya*, (3), 103–126.
- Malinova, O. Yu., Miller, A. I., & Pakhalyuk, K. A. (2022). The regional aspect of politics of memory in Russia. *Novoye proshloye*, (2), 112–136.
- Miller, A. I. (2013). The role of expert communities in the development of memory policy in Russia. *Politiya*, (4), 114–126.
- Sirovinskaya, M. (2021). The memory of the Holocaust in the Holocaust Memorial Museum. *Vestnik RGGU. Seriya “Politologiya. Istoriya”*, (2), 127–139.
- Zavadski, A. (2014). *Remembering today and tomorrow: Memory of the Holocaust in the Jewish museums of Moscow* (Master’s thesis). Moscow.